

Рана образовалась примерно час назад, окружающая кровь еще не свернулась, а место, рассеченное скрытым оружием, имело неестественный цвет. Рана от внутренней части к внешней переходила от фиолетового к красному, а странные кровавые нити, словно сухие ветви, густо расходились в стороны.

Су Цзиньчжи, увидев это, нахмурил брови.

— Это действительно несерьезно... Даже не болит, как будто комар, нет, муравей укусил...
Смотри...

Вэй Си говорил с энтузиазмом, но, опустив взгляд, понял, что ошибается.

Какие там муравьи и комары, это больше походило на рану от когтей грифа.

Ранее он уже осматривал рану, и тогда она не была такой серьезной. Неужели рана, как живое существо, сама разрастается?

— Сам закрой точки Шэньцзюэ, Цихай и Таньчжун, — приказал Су Цзиньчжи.

У него не было внутренней силы, руки тоже были слабы, поэтому он мог лишь попросить Вэй Си сделать это самому.

Вэй Си, понимая серьезность ситуации, немедленно подчинился.

В следующий момент Су Цзиньчжи наклонился, прижав губы к ране на плече, и начал высасывать ядовитую кровь.

— Шисюн! — вскрикнул Вэй Си.

Однако он уже закрыл свои важные точки, и циркуляция крови в конечностях замедлилась, так что даже если бы он хотел сопротивляться, у него не было бы сил.

За это короткое время Су Цзиньчжи уже выплюнул две порции ядовитой крови на землю, нахмурившись, глядя на непослушного младшего брата, а из уголка его губ стекала тонкая струйка темно-красной крови.

— Яд блуждающей нити распространяется по телу вместе с циркуляцией ци. У меня нет ни капли внутренней силы, так что даже если яд проникнет, он окажет на меня минимальное воздействие. Ты же другой случай, у тебя сильная циркуляция крови и крепкая основа внутренней силы, и если яд проникнет в тебя, последствия будут катастрофическими.

Он говорил разумные вещи, но Вэй Си совсем не хотел этому верить.

— Даже если это минимально, это все равно яд!

— Не слушаешься?

Взгляд Су Цзиньчжи был наполнен наполовину приказом, наполовину наставлением.

Вэй Си тут же привычно замолчал, крепко стиснув губы, не смея сказать ни слова.

Тогда Су Цзиньчжи взял его за плечо, снова наклонился, и его мягкие черные волосы рассыпались перед ним, словно шелковистая черная ткань на белой одежде.

Вэй Си опустил взгляд на эти черные, как тушь, волосы, и в его сердце поднялась горечь. Последние десять лет он рос под опекой шисюна, как он мог сомневаться в его решениях? Единственное, что его мучило, это то, что он не послушал совета и решил сыграть героя, в результате чего не только сам получил рану, но и подставил старшего брата...

Через некоторое время Су Цзиньчжи выплюнул последнюю порцию крови, и на землю упала уже ярко-красная капля.

— Все.

Он с облегчением вздохнул, подошел к столу, налил себе чаю, чтобы прополоскать рот, и спокойно сказал:

— Я и так калека, этот слабый яд можно подавить лекарствами. А если ты станешь инвалидом, кто же будет меня защищать?

Вэй Си почувствовал сильное чувство вины, уголки его глаз уже увлажнились.

— Ты не калека, и я буду тебя защищать.

Су Цзиньчжи улыбнулся, подошел и погладил его по голове.

— Да, шисюн знает, А Си самый сильный, точно сможет меня защитить.

Вэй Си опустил голову, молча вытирая глаза.

Су Цзиньчжи больше не обращал на него внимания, погладил его по голове.

— Хороший мальчик, сам накинй одежду, я пойду за лекарством.

Вэй Си молча накинул на себя одежду, угрюмо сидя на кровати.

Вскоре Су Цзиньчжи вернулся. Его руки были слабы, но ноги двигались как у обычного человека, он входил и выходил, развевая одежду, словно паря в облаках, как говорили местные дровосеки, будто светящийся бессмертный.

Теперь этот бессмертный выглядел обеспокоенным, превратившись в обычного смертного. Су Цзиньчжи принес таз с водой, полотенце, бинты и порошок, сложил все у кровати, вытер остатки крови с Вэй Си и аккуратно нанес лекарство.

Когда дело дошло до перевязки, его руки все еще были слабы, и он попросил Вэй Си самому держать конец бинта, а затем, используя обе руки, аккуратно замотал рану.

После всей этой суеты на его обычно спокойном и аккуратном лице появились капли пота.

Губы Вэй Си дрожали, словно он вот-вот заплачет, он смотрел на шисюна, не смея мешать или издавать ни звука.

Су Цзиньчжи закончил перевязку, убрал все вещи, вытер пот со лба и, увидев такое выражение на лице Вэй Си, подумал, что тот сдерживает боль и хочет плакать, тихо спросил:

— Больно?

Вэй Си покачал головой, но слеза скатилась по его щеке.

— Не бойся, шисюн подует, и боль пройдет.

С этими словами он взял руку Вэй Си, наклонился и действительно подул на только что перевязанное место.

Дыхание было теплым и мягким, вызывая легкое покалывание. Острая боль, которая еще недавно пронзала тело, внезапно исчезла.

Вэй Си сидел на кровати, как столб. Су Цзиньчжи уже выпрямился, снял с него окровавленную верхнюю одежду, взял чистую одежду, которую принес ранее, и начал одевать его.

— Я, я сам!

Вэй Си поспешно протянул руку, чтобы забрать одежду, но слишком резкое движение вызвало боль, и он скривился.

— Зачем так напрягаться?

Су Цзиньчжи схватил рукав одежды, легко выдернул ее из рук Вэй Си, ловко развернул и накинул на него.

— В детстве я ведь тоже так тебя одевал?

— Я, я вырос...

— Вырос, но все равно такой же.

Вэй Си не смог сопротивляться, позволив шисюну одеть себя.

Затем Су Цзиньчжи налил ему воды и спросил о том, что не успел выяснить ранее:

— Форт семьи Сяо и поместье семьи Се всегда жили в мире, как между ними мог возникнуть такой серьезный конфликт?

— Это... я не знаю.

Вэй Си, конечно, не мог ответить на такой сложный вопрос, но, вспоминая события дня, сказал:

— Люди из поместья семьи Се говорили, что форт семьи Сяо украл у них важное сокровище, а потом они решили арестовать всех, от стариков до детей. Я их отпустил, а они обманули меня, сказав, что пропавшая вещь очень важна, и если ее не найти, то даже жизни не спасти. Эх... Скорее всего, это была ложь, знал бы я, что так будет, я бы тогда...

Он резко замолчал, но лицо Су Цзиньчжи уже потемнело:

— Что бы ты сделал? Убил бы их одним ударом меча?

Вэй Си высунул язык.

— Я так не говорил.

— Не разобравшись в ситуации, ты поспешно вмешался, и это было твоей ошибкой. — Он вздохнул. — Помнишь, что шисюн тебе говорил?

— Лучше не вмешиваться, жить спокойно — это и есть жизнь.

— Неужели нужно наказать тебя переписыванием, чтобы ты запомнил?

— Нет-нет, лучше накажи тренировкой с мечом, я готов сто раз отработать меч, но не хочу писать ни одного иероглифа. Переписывание слишком скучно.

— Учишься торговаться, да?

— Нет-нет, не смею, не смею. Шисюн, продолжай наставлять, наказывай, как хочешь, я все приму.

Су Цзиньчжи не собирался его действительно наказывать, вздохнул и медленно сказал:

— Ты слишком мало знаешь о жестокости этого мира. Иногда добрые дела вызывают зависть, те, кому ты доверяешь, могут предать, а те, кому ты помогаешь, могут ответить неблагодарностью. Сердца людей непредсказуемы, в этом и заключается сложность.

Вэй Си, подперев щеку, слушал, словно в тумане:

— Шисюн, ты ведь всего лишь врач, почему говоришь так, будто сам спускался с гор и блуждал по рекам и озерам?

Услышав это, Су Цзиньчжи на мгновение замер. Его выражение лица было таким, будто кто-то раскрыл его секрет, на миг в его глазах мелькнула растерянность, и он весь напрягся.

Но он всегда был спокоен, быстро взял себя в руки и, как ни в чем не бывало, улыбнулся:

— Врач видит много людей, разве он не может все знать и все понимать?

Вэй Си подумал и согласился:

— Ладно, ты прав. В следующий раз, если произойдет что-то подобное, я ни за что не вмешаюсь.

Су Цзиньчжи потер лоб.

— Не обязательно совсем не вмешиваться.

Он подбирал слова, будто не мог найти подходящих, чтобы убедить собеседника, или понимал, что, что бы он ни сказал, Вэй Си с его текущим опытом не сможет полностью понять.

Некоторые вещи можно понять только на собственном опыте, а просто словами не научишься жить.

— В общем, мы просто будем держаться подальше от этого мира. Если в мире много конфликтов, лучше не вмешиваться, это точно не ошибка.

— Угу. — Вэй Си серьезно кивнул.